

Рис. П. Соколова

„ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН“
А. С. ПУШКИНА

Л. Пумпянский

„СТАРАЯ РОССИЯ“

БОРАТЫНСКИЙ в 1828 г. в письме Пушкину, говоря о „Евгении Онегине“, писал: „старая и новая Россия, жизнь во всех ее изменениях, проходит перед их глазами“ (т. е. перед глазами читателей „Онегина“). Что Боратынский имел в виду? Неужели „старую“ и „новую“ Россию в хронологическом смысле? „Старая“, — например, „екатерининская Россия“, а новая — скажем, декабристская? Вряд ли это так, потому что все действие пушкин-

ского романа охватывает всего пять-шесть лет (1819—1825). „Старая“ у Боратынского—это дворянская масса, а „новая“ — три представителя передовой интеллигенции декабристской эпохи, олицетворенные в лице основных героев романа.

Пушкин задумал проблемный роман, посвященный современной ему культуре, но носителей этой культуры—Онегина, Ленского и Татьяну — он представляет себе не в безвоздушном пространстве, а в непрерывном бытовом сцеплении с толщей всего русского дворянства.

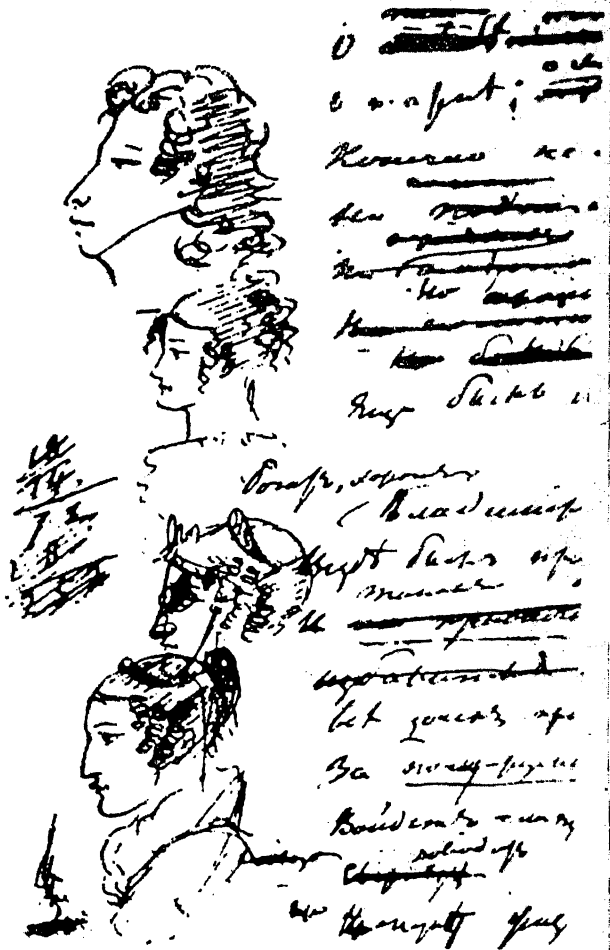
У Татьяны есть мать и сестра, фигуры бытовые, люди заурядные, чуждые сложной литературной культуры, которою живет Татьяна.

Высокообразованный кантианец Ленский связан с Ольгой, вульгарной провинциальной дворянской барышней, будущей офицерской дамой.

В этом и заключается правильно понятая Боратынским глубина пушкинского замысла: декабристская интеллигенция бездной отделена от дворянской массы, но находится с ней в бытовом переплетении (родство, свойство, соседство, знакомство и т. д.). Это ставит ее в трагическое положение.

Столкновение Онегина с Ленским, связанное со всей глубокой противоположностью их философского мировоззрения, приводящее к гибели Ленского и к изменению всей судьбы Онегина и Татьяны, происходит на глазах своего рода хора греческой трагедии, состоящего из Пустяковых, Гвоздевых и Скотининых. Это придает имениннам Татьяны трагический характер.

Недаром Пушкин сложной игрой историко-литературных намеков выбирает для гостей фамилии из „Недоросля“ (Пустяков, т. е. Простаков, и Скотинины — от Тараса Скотинина; сама Простакова—тоже урожденная Скотинина) и из „Опасного соседа“ В. А. Пушкина (Буянов).

Страница рукописи „Евгения Онегина“
с автопортретом Пушкина

Мысль Пушкина совершенно ясна: гости Лариных — это герои „Недоросля“.

В сцене именин эта противоположность между интеллигенцией (т. е., в сущности, декабризмом) и дворянством доведена до сатирической отчетливости. Но в более широком смысле она проходит, как основная мысль, по всему роману. Жертвой этой противоположности является сама Татьяна во все периоды ее жизни. Она любит и мать и сестру, но еще в деревне она среди них одна:

Вообрази, я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.

Позже, в Петербурге, обладая княжеским титулом в придворно-великосветском обществе, Татьяна будет так же одинока. Все помнят, с какой ненавистью это общество изображено в 8-й главе. Быть одинокой — судьба Татьяны, придающая трагический смысл всей ее жизни, но такова историческая судьба и декабристской интеллигенции и, если угодно, самого Пушкина, всегда одинокого среди тысяч бытовых знакомств.

Старая Россия, т. е. бытовая дворянская Россия, изображена в романе неизменным методом, соединяющим резкую короткость стиха с иронией, а иногда и с сатирической ненавистью:

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков.

Жена — „дородная“, муж — „толстый“; по одному карикатурному эпитету на каждого; эпитет-штрих — и больше ни одного слова. Покойный дядя Онегина тоже дан одним штрихом:

Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел, да мух давил.

Для характеристики вульгарной бессодержательности всей его долгой жизни довольно этих трех стихов. Тонкая, умная ирония освещает давнюю московскую молодость Лариной: она не читала романов Ричардсона, а только знала о них от московской кузины. Во времена ее молодости все три романа Ричардсона вышли в нескольких русских переводах, имевших громадный успех. Пушкин это отлично знает, именно это имеет в виду и, следовательно, представляет себе молодую Ларину совершенно отрезанной от литературной культуры, дажеходячей.

Ольгу—ординарную дворянскую барышню—Пушкин тщательно отделяет от интеллигентки Татьяны. Недаром Пушкин Ольгу выдает замуж за уланского офицера, чтобы затем вовсе забыть о ее существовании. Ирония здесь заключена в самом умолчании; сейчас Ольга мила прелестью своих семнадцати лет, но будущее ее ясно: Ольга в провинциальном гарнизоне мужа станет матерью-командиршей, заправской офицерской дамой. Иные пушкинские умолчания равны по содержательности законченному роману.

НОВАЯ РОССИЯ

В неразрывном сплетении с дворянской массой, губернской, московской (7-я глава) и петербургской (1-я и 8-я главы),—сплетении бытовом, а потому трагическом,—изображена принципиально чуждая ей идейная жизнь революционной дворянской интеллигенции декабристской эпохи.

Три слоя сложили культуру Онегина. Первый слой—учебный и классический: басни Лафонтена, Корнель, Расин, стансы Сида, рассказ Терамена, сатиры Буало и, беря шире, весь учебный свод французской классической системы. Этот слой не

Евгений Онегин — иллюстр. Д. Кардовского

в счет: это учеба, это усвоение ходячей литературной эстетики эпохи, для десятых годов прошлого столетия уже архаической и потому школьно-законсервированной.

Реальное мировоззрение Онегина начинается со второго слоя, упрощенно говоря, вольтеровского. Это Вольтер, проглоченный весь. Но не он один. Словарь Бейля, Дидро, все двадцать томов „Энциклопедии“ и все главные произведения французского материализма XVIII века должны быть причислены сюда. Это была великая школа мысли, школа философского реализма и большой философской серьезности.

Пушкин связан цензурой, и многое поэтому надо угадывать из цензурных зашифровок:

Меж ними все рождало споры
.....
И предрассудки вековые
И гроба тайны роковые.
.....

Но „предрассудки вековые“ — это попросту зашифровка слова „религия“: Онегин — атеист, и религия для него иллюзия взрослых детей. А так как Ленский, как мы дальше увидим, последователь Руссо, т. е. теист, то деревенские споры обоих друзей повторяют в уменьшенном виде тему одного из главных конфликтов внутри французского просветительства XVIII века. В иных случаях невозможно была и зашифровка; многое приходится извлекать из черновых тетрадей Пушкина, например, из вариантов к первой главе: Онегин знал,

... что отечество, права,
Все это громкие слова...

т. е. все виды национально-патриотических и официально-монархических иллюзий были именно иллюзиями перед его ясным, трезвым, реалистическим

анализом, перед типичной для Онегина боязнью поверить в нечто несостоятельное перед лицом разума.

Это сильная сторона онегинской мысли, общая и ему, и Пушкину, и Вяземскому, и Александру Раевскому, и большинству деятелей декабристского поколения. Но с ней неразрывно связаны буржуазная односторонность и антиисторизм французского просветительства. Не только Вольтер, но и Шамфор воспитали Онегина. Он заражен ироническим недоверием к благородным свойствам человеческой природы. Шамфор когда-то сказал: „любовь — это обмен двух капризов и соприкосновение двух эпидерм“. Таков и Онегин в своем отношении к любви и дружбе:

Дань дружбы или час иптуры.
Взглянув друг на друга потом,
Как цистероны авгуры.
Мы рассмеялся тишком.

Итак, дружба — тоже иллюзия. Просветительская односторонность вскоре развернется в историческую вину Онегина, разоблачение которой превратит роман в первое русское проблемное произведение, т. е. в колыбель всей будущей русской литературы.

Третий слой онегинской культуры — недавнего происхождения. Если Жуковский и Вяземский узнали Байрона в 1818 году, Батюшков и Пушкин в 1819 году, то и для Онегина знакомство с Байроном надо датировать последним годом пребывания в Петербурге, а в деревню он уехал летом 1820 года.

Но впечатление от этого знакомства было громадное, и не столько чисто-литературное, сколько моральное: индивидуализм, оособленность одиночки, гордая независимость морально-автономной личности, не делящей с людьми ни своих мук, ни своих мыслей. Это легко могло сочетаться со старым

Иллюстрация И. Е. Репина к «Евгению Онегину»

„вольтеринским“ презрением к человеческому роду, с его грубыми страстями и детскими иллюзиями.

В деревню Онегин привозит стихи Байрона, его портрет и статуэтку Наполеона. Все это Татьяна находит в его пустом кабинете. Наполеон, очевидно, понят как байроновская личность, как сверхчеловек индивидуализма.

В полную противоположность Онегину с его франко-английским, вольтеро-байроновским мировоззрением, культура Ленского — не французская и не английская, а германская, не вольтеровская, а кантианская и, как недавно доказал Ю. Н. Тынянов, навеянная Руссо. Здесь перо Пушкина не столь твердо. Канта и Фихте Пушкин не знал. В немецкой литературе сведения его были из вторых рук. Он мог бы сказать о себе то же, что сказал об Онегине в черновых вариантах к 1-й главе:

Он знал немецкую словесность
По книге госпожи де-Сталь.

Но Пушкину помог Кюхельбекер, воспитанный на Шиллере и Руссо. Руссо в романе не назван, но Тынянов доказал, что

Племен минувших договоры... —

намек на трактат Руссо „Об общественном договоре“, а „плоды наук“, о которых спорят друзья, прямо указывают, что главным предметом спора был вопрос о ценности цивилизации. Онегин, пропагандист цивилизации, ее защищает; Ленский выдвигает идеал возвращения к простоте природной жизни.

Связь между якобинством и идеями Руссо общеизвестна, но недостаточно еще научно освещен вопрос о влиянии идей Руссо на поколение декабризма. Оно было велико, и Пушкин знает это не только по Кюхельбекеру, но и по себе: страстную тираду Алеко против „неволи душных городов“ написал он сам.

Начало третьей главы, недоумение Онегича:

Помнлуй, и тебе не трудно
Так вечер каждый убивать

и ответ Ленского:

Я модный свет ваш ненавижу,
Милее мне домашний круг...

проливают свет на навеянный Руссо характер отношения Ленского к Лариным и Ольге.

Ларины не богаты. В черновых вариантах мелькают прямые на это указания. Ленский любит простоту их быта, это „бедное жилище“ (8, 46). Глупенькая, необразованная Ольга наивно кажется ему невинным, близким к природе созданием. Так тщательно Пушкин продумал бытовые последствия мировоззрения своих героев, связь их культуры с поведением в быту.

Идеализм Ленского никак не является идеализмом „умным“ (Ленин). Это идеализм иллюзионный, фантазерский. Поэтому в дилемме, разрешаемой над трупом Ленского, Пушкин формально признает, что в будущем Ленский мог бы стать и выдающимся, и заурядным человеком, но не формально явно склоняет читателя ко второй возможности, грустной, но наиболее правдоподобной.

ТАТЬЯНА

Та же связь между типом культуры и типом жизненного поведения внесена в развитие образа Татьяны. Здесь надо различать три периода ее литературного воспитания. Сначала — это романы Ричардсона, „Новая Элоиза“ Руссо, „Вертер“ Гете и „Дельфина“ Сталь, т. е. все без исключения шедевры английского и французского морального

романа XVIII века. И, кстати, все это, без исключения, романы в письмах. Татьяна на несколько десятилетий отстала в своей деревне от литературной жизни Европы: с Ричардсоном—лет на 70 и даже с „Дельфиной“—лет на 20. Этой стадии ее начитанности соответствует ее письмо Онегину. Уже В. В. Сиповский доказал, что письмо это Пушкин полуперевел из монтажа первых писем Юлии молодому Сен-Пре в „Новой Элоизе“ Руссо. Но как волшебным по-русски зазвучал этот литературный перевод! Фразеология и форма этого письма правильно связаны Пушкиным с литературной культурой Татьяны (даже сама форма письма является отражением старого романа в письмах), но, вместе с тем, письмо вылилось из живой души „страстной девы“. Здесь нет противоречия, здесь налицо единство культуры и реальной личной жизни, подчеркиваемое Пушкиным.

Но вскоре литературное образование Татьяны бурно модернизируется. Так называемый „страшный роман“ заполняет ее читательское сознание, не тот страшный роман, который наводнил английскую литературу еще в XVIII веке („Монах“ Льюиса, романы Вальколя, Рэдклиф и др.), а новейшие произведения, связанные с возрождением этого жанра в эпоху романтизма: „Сбогар“ Шарля Нодье, „Корсар“ Байрона, „Мельмот“ и др., т. е. разбойничий и пиратский демонический роман, герой которого стилизован как „роковой“. Все эти книги, и английские и французские, являются новинками для 1820 г., когда Татьяна ими зачитывается. Английские — попадают к ней во французском переводе: в Париже после падения Наполеона произведения английского романтизма переводятся сплошь. Теперь Онегин представляется ей не Грандисоном, не Вертером, и даже не Ловласом, а загадочным атаманом, роковым пиратом или Мельмотом, продавшим душу

*

Сатане. Отражением этого второго периода ее литературного воспитания является вторая ночь, — не летняя ночь письма, а зимняя ночь страшного сна:

Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы.

Однако содержание сна лишь отдельными чертами связано с кошмарами героинь западного романа. В основном Пушкин его руссифицировал (как руссифицировал раньше и письмо). Русские сказочные образы заполняют сон Татьяны. Пушкин опирается здесь на литературную традицию, восходящую к так называемым чулковским сказкам, — традицию, ему хорошо известную и окрасившую еще его „Руслана“. Сравнить, например, два почти тождественных двустушия:

И снится чудный сон Руслану:
Он видит будто бы княжна...

и другое:

И снится чудный сон Татьяне:
Ей снится будто бы она...

В равной степени содержание сна Татьяны может быть сравнено с приключением Натальи в балладе „Жених“ (1825), которая пишется почти одновременно. Так западная беллетристика переведена Пушкиным и фантазией Татьяны на русские фольклорные образы.

Третий этап литературного воспитания Татьяны происходит годом позже, в 1821 году, в пустом кабинете Онегина. Здесь она находит книги, о существовании которых до сих пор не подозревала. Из Байрона она знала „Корсара“, теперь она знакомится с „Дон-Жуаном“. Но главное приобретение этих визитов в пустую усадьбу Онегина — это чтения „Адольфа“ Б. Констан (1815), который несомненно имеется в виду в глухой ссылке на

„два-три романа, в которых отразился век“. Впрочем, в черновике „Адольф“ был прямо назван. Такой роман и такой герой были полной новостью для Татьяны:

И ей открылся мир иной...

Она узнала бездонный моральный эгоизм того литературного героя (а следовательно, и Онегина), который раньше представлялся ей почти демоническим существом. Все оказалось проще. Результатом третьего этапа была разгадка и ее героя.

Трижды Онегин по-разному представлялся Татьяне: как Сен-Пре (или Вертер), как Мельмот (или Сбогар) и, окончательно, как опустошенный эгоист Адольф. Три периода европейского литературного влияния, с такой поразительной отчетливостью выставленные Пушкиным, сливаются с тремя периодами душевного развития Татьяны.

ДЕКАБРИЗМ

Конечно, все это — существенные моменты и в идейной жизни декабристского поколения. Вольтеррианство Онегина в конфликте с шиллеризмом и руссоизмом Ленского, смена „Вертера“, „Мельмота“ и „Адольфа“ в литературном развитии Татьяны, — все это узловые моменты философской и литературной жизни 1820—1825 гг. Уже отсюда можно заключить, что декабризм не мог быть обойден в первоначальном замысле Пушкина. Тем более это станет несомненным, если припомнить хронологию действия: беседы Онегина с Пушкиным в конце 1-й главы падают на белые ночи перед самой высылкой Пушкина из Петербурга (6 мая 1820 г.); Онегин едет в деревню летом 1820 года; именины Татьяны и дуэль происходят в январе

1821 года; летом 1821 года Онегина в деревне уже нет, он в Петербурге, откуда отправляется в громадное путешествие по России; попадает в Крым, по точному указанию Пушкина, через три года после самого Пушкина, т. е. в 1823 году, а в Одессу к концу 1823 года, благодаря чему может в Одессе встретиться с Пушкиным; в 1824 году, примерно, в одно время с Пушкиным, Онегин покидает Одессу, следовательно, в Петербург он возвращается осенью 1824 года; зима 1824—1825 гг. занята его любовью к Татьяне, и последнее объяснение между ними происходит („в воздухе нагретом уж разрешалася зима“) в феврале, либо в марте 1825 года, т. е. месяцев за десять до восстания декабристов.

Иными словами, действие романа захватывает годы наибольшего подъема декабристов. Мыслимо ли представить себе, чтобы Пушкин задумал „роман идей“, отнес бы время его действия к декабристскому пятилетию и опустошил бы политические идеи эпохи? Сам Пушкин был настолько ярким участником политической жизни тех лет, так глубоко всегда понимал связь между философией, литературой и политикой, что такой пропуск был для него явно невозможным. Очевидно, был неосуществленный план, по которому декабризм должен был быть широко изображен в романе.

Такое предположение было бы законно, даже если бы мы не знали никаких подтверждающих его фактов. Но такие факты есть. Вяземский в своем дневнике упоминает (декабрь 1830 г.) об онегинской главе „не для печати“. Глава эта была Пушкиным написана в Болдине в холерную осень 1830 г. и тогда же сожжена, о чем сохранилась знаменитая запись в одной из болдинских черновых тетрадей: „19 окт. сожжена X песнь“, т. е. 19 октября 1830 года (в лицейский день) сожжена была из политической осторожности 10-я глава „Онегина“. Отрывки из

ее начала Пушкин тщательно зашифровал, и листок этой тайнописи дошел до нас в собрании пушкинских бумаг покойного академика Л. Майкова. Расшифровал эту запись П. Морозов. Отрывки свидетельствуют о высоком идейном уровне всей 10-й главы. Блестящая характеристика Александра I („властитель слабый и лукавый“), ясное различие умеренности северного тайного общества и якобинского радикализма южан (Каменка, Тульчин), — все это замечательные образцы политической поэзии.

Почему Пушкин называет эту главу 10-й и какое место она должна была занимать в первоначальном плане романа?

Когда 6-я глава выходила отдельным изданием, оно было снабжено пометкой: „конец I части“. Это очень важное указание. Из него ясно, что, написав первые 6 глав, Пушкин смотрит на них лишь как на первую из двух или нескольких задуманных частей. Допустим, что только двух и что во второй части должно было быть для равновесия композиции тоже шесть глав. Получается сумма в 12 глав, и, следовательно, наш „Евгений Онегин“ с его семью главами раз в полтора короче первоначального замысла. Первоначальный порядок глав II части был такой: 7-я глава та же, что и наша 7-я (Татьяна остается в деревне одна, посещает пустой кабинет Онегина, едет в Москву и т. д.); затем шла 8-я глава (путешествие Онегина, в параллель только что описанному путешествию Татьяны), затем 9-я глава (Онегин в Петербурге, любовь к Татьяне, письмо и последнее объяснение); а дальше было первоначальное место 10-й главы: Онегин, чья любовь отклонена Татьяной, сближается с декабристами и каким-то нам неизвестным образом участвует в событиях 14 декабря. Что предполагалось в следующих главах — мы не знаем даже отдаленным образом.

Сожжение 10-й главы лишает этот большой план романа всякого смысла. Пушкин принужден укоротить роман и делает это так: 8-ю главу выбрасывает вовсе и превращает ее в приложение к роману под заглавием „Отрывки из путешествия Онегина“, а бывшую 9-ю главу делает 8-й — последней, т. е. кончает роман объяснением Онегина с Татьяной. Полицейский терроризм николаевского режима помешал завершить величайшее произведение русской литературы.

ПРОБЛЕМА ОНЕГИНА

Все же и укороченный роман никак не остался без проблемного своего решения. Недавно Б. В. Томашевский, отрицая проблемность пушкинского романа, характеризовал его как роман чисто-описательный (деревня, именины, Москва, маршрут онегинского путешествия, великосветский Петербург); „героем века“ Онегин будто бы стал представляться только позднее, в свете тургеневских романов. Так ли это? Роман по жанровому своему определению неотделим от проблемности. Нет романа, повествовательный материал которого не был бы подчинен проблемной задаче. Тем более это относится к „Онегину“, особая проблемная острота которого бросается в глаза. Современники справедливо восприняли его как непрерывный суд над лже-героем русской культуры того времени. Неправильно было бы только думать, что Пушкин, начиная роман, или даже работая над средними главами, имел перед собой какое-то готовое решение. Социальная пронизательность Пушкина возрастала как раз в работе над романом и потому, естественно, полнее всего выразилась в последних главах. Начиная роман, Пушкин знал только одно:

Онегин — дитя века, это и Александр Раевский, и Яков Толстой, и Всеволожский, и Каверин, и в некоторой степени сам Пушкин; это преобладающий представитель всего культурного поколения около 1820 года (год дружбы Онегина с Пушкиным). Проблема романа далась Пушкину не сразу; она выстрадана в борьбе за новое решение, за отрицание всеобъемлющей национальной ценности замкнутой дворянской культуры.

Даже фабула романа строилась на ходу. В 1823 году в Кишиневе и даже в 1823—1824 годах в Одессе Пушкин не знал, что дальше у него будет дуэль, и тем более, что Онегин посетит Пятигорск или Крым. Все это родилось в процессе дальнейшей работы, и нужен был весь композиционный гений Пушкина, чтобы привести к сюжетному единству действие романа, строившегося по „свободному“ плану. Слово „свободный“ принадлежит самому Пушкину:

И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

Эти замечательные слова надо понимать совершенно точно: начиная роман, Пушкин еще не знал дальнейшего развития фабулы.

Более того, черновая тетрадь 3-й главы показывает, что у Пушкина мелькала мысль влюбить Онегина в Татьяну еще в деревне, или, по крайней мере, сделать его соблазнителем Татьяны (по образу кавалера Ловласа в „Кларисе“ Ричардсона). Этот план был отброшен; осколком его является „Граф Нулин“ (с понижением героя и героини до уровня бытовых карикатурных фигур).

При такой свободе фабулы очевидно, что тем более свободной, т. е. непредрешенной, была и проблематика романа. Ее тоже надо было завоевывать, и завоеванное разоблачение Онегина является

одной из главных национальных заслуг поэмы Пушкина. Насквозь проблемен замысел путешествия Онегина (бывшая 8-я глава). На фоне необъятной территории страны, по которой целых три года (1821—1824) Онегин скользит, как призрак, как турист в дурном смысле этого слова, историческая вина его оторванности от страны становится выпукло очевидной. Он проехал по всему почтовому тракту из Петербурга в Москву, т. е. повторил путешествие Радищева, дальше — всю Волгу водою от Рыбинска мимо Макарьевской ярмарки и Нижнего до Астрахани. Кто он на грандиозном фоне сложной трудовой жизни громадной страны? Отрешенный призрак, разоблачаемый самим громадным фоном своего же маршрута. Довеся Онегина до Пятигорска, Пушкин заставляет его умно подметить в себе самом, здоровом, молодом и образованном, парадоксальную зависть к паралитикам и ревматикам, потому что, как они ни жалки и ни несчастны, в Пятигорск они приехали за делом — лечиться и выздороветь. А он? С одинаковым смыслом он мог бы в эту минуту быть и в Петербурге, и в деревне, и в Одессе. Тоска по смыслу своего местопребывания, хотя бы простому деловому смыслу, придает громадное значение завистливой жалобе Онегина:

Зачем, как тульский заседатель
Я не лежу в параличе.

Пушкину довольно показать, хотя бы в маршрутном эскизе, Россию, Волгу, Кавказ и Крым, чтобы на этом подавляющем фоне проблема Онегина была решена сама собой. А в следующей главе (бывшая 9-я, впоследствии 8-я) Онегину предъявлено обвинение в отсутствии точного, ясного места в общественно-трудовой жизни страны:

*Е. В. Адрианова — Ларина
К. Ф. Комиссарова — няня*

Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов...

„Без трудов“ — это значит без профессии.

Так разоблачила Онегина сама Россия, сама громадная страна, в отношении к которой он оказался только туристом в прямом и переносном смысле этого слова. Но Онегина ждет и второе разоблачение, от лица той же России, того же народа, но представленного идеалом русского образованного человека — Татьяной.

ПРОБЛЕМА ТАТЬЯНЫ

Два монолога, как два стержня, находятся в центре обеих частей романа: монолог Онегина в деревенском саду и монолог Татьяны в Петербурге; они задуманы как контрпараллели, метод вдобаве частый в „Онегине“ (ночь письма и ночь сна, два вставных письма, путешествие Татьяны и путешествие Онегина). Первый монолог соответствует общей роли Онегина как несомненного главного героя всей первой части. И в жизненном, и в проблемном, и в сюжетном отношениях главный герой — он. Но во второй части (главы 7—9) положение меняется. Слова Татьяны:

Сегодня очередь моя

полны глубокого композиционного смысла. Настал ее день, взошло ее солнце, осветившее по-новому весь конец романа. Теперь она распорядительница сюжетных судеб героев. Ее решение окончательно определит жизненное положение и ее собственное и Онегина. Ее монолог прольет свет окончательного проблемного решения личности Онегина и личности ее самой. Когда-то, четыре года тому назад,

монолог Онегина в деревенском саду объяснял косвенно его самого, но оставлял без объяснения личность Татьяны; этим подчеркивались замкнутый эгоизм Онегина и ограниченность его понимания жизни. Иной характер и иная глубина приданы монологу Татьяны. Он объясняет все. Онегин выслушал справедливый приговор, учитывающий лучшие стороны его натуры, не отрицающий в нем ни „сердца“, т. е. способности рождать большую страсть, ни „ума“, — впрочем ум Онегина никто никогда не смог бы отрицать:

Чтоб с вашим сердцем и умом..

Татьяна разгадала его. Она не отрицает искренности его нынешней любви, но глубоко заглянула в душу Онегина, отметив несомненный снобизм, составляющий аккомпанемент этой страсти, подогретой ее общественным положением, титулом, близостью мужа ко двору и, следовательно, блистательной оглаской, которую получила бы их связь. Это имеется в виду словами о „мелком чувстве“. Так установлена близость Онегина к „старой России“ (см. выше слова Боратынского). Онегин не до конца чист в роли деятеля передовой культуры. Отрава классовый психологии делает его промежуточным между обеими „Россиями“ лицом.

Но тот же монолог до конца решает и вопрос о самой Татьяне. Д. Мирский хотел увидеть в Татьяне 8-й главы „апофеоз великосветской дамы“ и даже наставление Наталье Николаевне Пушкиной, как вести себя в свете. Такое понимание представляет уже граничащий с комизмом предел вульгарно-социологизаторского кривотолкования. Татьяна не великосветская дама, а пленница придворно-великосветского мира. Княжеский титул — случайность в бытовой биографии Татьяны. Так

сложилась ее жизнь, иначе было нельзя; не как на радость, а как на жертву она пошла на эту долю:

Меня слезами заклиний
Молила мать. Для бедной Тани
Все были жребии равны,

следовательно, и княжеский жребий — не лучший, а худший, на который пришлось пойти.

Княжеский титул — и в этом глубина пушкинского замысла — не опровергает, а подчеркивает демократичность образа Татьяны. Она настолько демократична по натуре, что ее безбоязненно можно бросить в любую среду, все равно она останется сама собой. В чужой оправе еще ярче засияет единственно существенное и главное. Впрочем, сама Татьяна просто и глубоко, как прост и глубок весь ее бессмертный монолог, объясняет Онегину это отличие между случайным и основным, между бытом и бытием:

А мне, Онегин, пышность эта...

Действительная ее среда — это скромный мир, та деревенская простота („за наше бедное жилище“), которая окружала ее молодость. Недаром вспомнилась и няня: память о ней — знак нерушимой связи между Татьяной и русским народом, от которого Татьяну не оторвала ее европейская образованность.

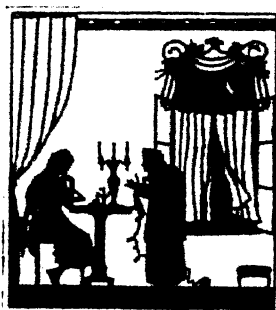
Феодальной культуре Онегина (не ничтожной, а замкнутой) конец романа противопоставляет идеал русского образованного человека, культура которого верна народу и нужна России. По-разному Пушкин прощается со своими героями:

Прости ж и ты, мой спутник странный —

это Онегину; он не больше как спутник авторского воображения;

И ты, мой верный идеал —

это Татьяне. Разница явная и ясная. Онегин — прошлое, отрицаемое и осужденное; Татьяна — будущее, будущее самого Пушкина (Белкин, „Станционный смотритель“, „Дубровский“ и, вообще, вся проза 1830-х годов) и будущее всей русской литературы, развитие которой Пушкин во многом предопределил, разоблачив культуру феодализма и создав национальную литературную героиню.

Е В Г Е Н И Й О Н Е Г И Н

*Лирические сцены в 3 действиях,
7 картинах.*

Музыка П. И. Чайковского

*К постановке оперы в Ленинградском
Государственном академическом Малом
оперном театре*

Издание Ленинградского Государственного
Малого оперного театра

1937